

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-68-84

Об одном архивном документе 1917 года по истории взаимоотношений между российским генеральным консульством в Монголии и правительством Богдо-гэгэна

Номинь Дондоковна Цыренова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цыренова Н. Д., 2021

Аннотация. Цель статьи состоит в кратком рассмотрении Проекта соглашения об аренде земельных участков российскими подданными под торгово-промышленные помещения как источника по истории взаимоотношений российского консульства в Монголии с теократическим правительством Богдо-гэгэна. *Материалы и методы.* Данный документ, хранящийся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, дошел до нас в виде печатного типографического документа на классической монгольской письменности. В исследовании применялся источниковедческий метод формулярного анализа, согласно которому данный документ относится к индивидуальному формуляру. *Результаты.* Установлено, что исследуемый источник был составлен в 1917 г. На основе анализа структуры и содержания данного документа и его источниковедческой характеристики представлен конкретно-исторический фон создания документа, а также показана его роль и значение в истории межгосударственных отношений Монголии и Российской империи. Приведен авторский перевод важнейших разделов соглашения (преамбула и приложение к соглашению). *Выводы.* В соглашении отражены интересы российских купцов и промышленников, стремившихся юридически закрепить свои особые права на всей территории Внешней Монголии, что вызывало беспокойство у китайского правительства и китайских купцов. После заключения «Соглашения о дружбе» и Торгового протокола в 1912 г. монгольская сторона долгое время не выделяла некоторые категории земель, из-за чего подданные Российской империи не могли воспользоваться всеми правами, оговоренными в торговом протоколе. Главным представителем российских интересов в Монголии выступало Генеральное консульство Российской империи в г. Урге. Хронологический анализ документа дает некоторые основания полагать, что переговорный процесс его по подготовке занял несколько лет — приблизительно с 1912 г. по 1917 г. В соглашении содержится ряд ценных и важных сведений страноведческого характера о реалиях той эпохи.

Ключевые слова: Проект монголо-российского соглашения, Монголия, Российская империя, взаимоотношения российского консульства в Монголии с правительством Богдо-гэгэна

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания — проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия» (номер госрегистрации: 121031000302-9).

Для цитирования: Цыренова Н. Д. Об одном архивном документе 1917 года по истории взаимоотношений между российским генеральным консульством в Монголии и правительством Богдо-гэгэна // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 68–84. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-68-84

History of Relationships between the Russian Consulate General in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen, 1917: One Archival Document Revisited

*Nomin D. Tsyrenova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tsyrenova N. D., 2021

Abstract. *Goals.* The article aims to give a brief review of the Draft Agreement on the lease of land plots to Russian citizens for commercial and industrial premises as a source on the history of relations between the Russian Consulate in Mongolia and the theocratic government of Bogd Gegeen. *Materials and Methods.* The typewritten document in Classical Mongolian is kept in the archives of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs affiliated to the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). The study employs the method of source study formulary analysis according to which the document can be referred to as an individual formulary. *Results.* The paper discovers that the investigated Agreement was written in 1917. It analyzes the structure and content of the document, its source characteristics to present the specific historical background of the document's creation, the latter's role and significance in the history of relations between Mongolia and the Russian Empire. The most important sections of the Agreement (preamble and attachments thereto) were translated by the author. *Conclusions.* The Agreement reflects the interests of Russian merchants and industrialists who sought to legally secure their special rights throughout Outer Mongolia, which, apparently, caused the anxiety of the Chinese Government and Chinese merchants. After the conclusion of the 'Friendship Agreement' and the Trade Protocol in 1912, the Mongols restrained from providing specific categories of land for quite a long time, and Russian citizens could not use all the rights under the Trade Protocol. The main representative of Russian interests in Mongolia was the Consulate General of the Russian Empire in Urga. Chronological analysis of the document gives some reason to state that the negotiation process took several years — from circa 1912 to 1917. The Agreement contains some valuable and important data on the country and its realias during those years.

Keywords: Draft Mongolian-Russian Agreement, Mongolia, Russian Empire, relationship between the Russian Consulate in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment — project name ‘The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter-Civilization Interaction, 18th – Early 21st Centuries’ (state reg. no. 121031000302-9).

For citation: Tsyrenova N. D. History of Relationships between the Russian Consulate General in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen, 1917: One Archival Document Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 68-84. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-68-84

Введение

История российско-монгольских отношений начала XX в. является важной областью исторических исследований в отечественном и мировом монголоведении. В этой связи большой интерес представляют дипломатические материалы, связанные с подготовкой важного российско-монгольского торгового соглашения, которое было призвано создать взаимовыгодную и равноправную юридическую основу для развития торговых отношений между российскими купцами и представителями монгольской стороны. Как отмечал О. Батсайхан, после распада Цинской империи и заключения российско-монгольского «Соглашения о дружбе» от 1912 г. Монголия стала юридически правомочным международным субъектом с полным правом на заключение любых договоров с иностранными государствами, что стало фундаментом заключения последующего соглашения [Батсайхан 2016: 60].

Если говорить о самой торговле между Россией и Монголией, то на территории Внешней Монголии вплоть до 1912 г. торгово-экономические отношения развивались на основе законодательных документов — договоров между правительствами Российской империи и Цинского Китая. В ходе российско-монгольских переговоров, начавшихся в сентябре 1912 г., Российскую империю представлял И. Я. Коростовец (1862–1933), получивший назначение в Ургу как уполномоченный в российско-монгольских переговорах в августе 1912 г. Переговоры завершились 3 ноября 1912 г. в Урге подписанием двух документов, а именно «Соглашением о дружбе» и «Торговым протоколом» [Русско-китайские отношения 1958: 123–124].

Как отмечал О. Батсайхан, договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Данным договором Российская империя не только официально признала Монголию и ее правительство, но и тем самым создала правовую основу для закрепления государственного суверенитета [Батсайхан 2016: 59].

Договор о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическим документам, фактически же они имели огромное политическое значение [Батсайхан 2016: 59]. Торговый протокол от 21 октября 1912 г., который предшествовал исследуемому соглашению, состоял из 17 статей. Статья шестая Протокола имела протекционистский характер, т. е. защищала права российских предпринимателей. В ней закреплялось особое право российских

купцов на ведение торгово-хозяйственной деятельности на всей территории Монголии, включая беспошлинную торговлю, долговременное хранение товара, право на приобретение в собственность и в аренду земельных участков для разных видов деятельности и т. д.

После заключения «Соглашения о дружбе» и его приложения — Торгового протокола от 21 октября 1912 г. — монголы не соблюдали все прописанные пункты соглашения. Настоятель церкви при Императорском Российском Генеральном Консульстве в Урге священник Федор Парняков в своем отчете при экспедиции «Русские в Монголии» от 20.06.1915 г. отмечал, что священный характер местности как причина отказа русским купцам в аренде была лишь предлогом, так как китайские купцы уже имели участки в местах возле монгольских монастырей [[Россия и Монголия 2014: 26-27](#)].

Хотя подданные Российской империи имели право торговать беспошлинно на территории Внешней Монголии, проблема сохранности товара все-таки не была разрешена. Стоит отметить, что именно эта проблема, возможно, подтолкнула российских консулов к ведению переговоров с правительством Монголии по земельным вопросам.

Российское консульство нередко получало жалобы от купцов о плохой сохранности товара при складировании. В связи с этим консул призывал их арендовать и строить временные склады. В марте 1912 г. большие перемены в этой области начались в результате создания Русско-Монгольского товарищества комиссионных складов.

А. А. Сизова отмечает, что «самой старой и организованной была российская фактория в Урге — центральном городе Внешней Монголии (монг. Халха). С 1861 г. обороты трансграничной торговли (до 1885 г. — комиссионных переездов чая из Китая в пограничный город Кяхта, позднее — сбыта российских товаров и закупок монгольского сырья) возрастали» [[Сизова 2015: 151](#)].

Российские фактории в Западной Монголии приобрели упорядоченную форму только к середине 1910-х гг., несмотря на то, что русские купцы вели хозяйственную деятельность в этом регионе еще с 1870-х гг. В западных районах Монголии у русских была не городская (как в Урге), а хошунная (т. е. разъездная) торговля. Купцы использовали крупные города (Улясутай, Кобдо, Цзаин-Шаби) в качестве организационно-складских центров. До того, как в регионе были созданы российские представительства, русские купцы не имели права покупать, арендовать или возводить на их территориях стационарные постройки из-за сильного влияния китайских купцов на местные органы власти [[Сизова 2015: 153](#)].

Следует отметить, что В. В. Грайворонский приводит сведения о повышении статуса российского консульства в г. Урге. Так, он пишет, что «осенью 1915 г. российское правительство в целях развития дружественных связей двух стран реорганизовало консульство Российской империи в Нийслэл-хурэ в Генеральное консульство» [[Грайворонский 2013: 52](#)]. Этот шаг позволил резко увеличить торговый оборот между Россией и Монголией, благодаря которому удельный вес русского купечества достиг уровня китайских торговцев, господствовавших в течение многих лет в Монголии.

Поэтому Генеральное консульство Российской империи долгое время вело переговоры с правительством Монголии по поводу аренды участков под застройку. Стоит отметить, что переговоры были проектом Генерального консульства с правительством Монголии, который преследовал цель укрепления прав купцов на основе соглашения об аренде российскими подданными земельных участков в Монголии под застройку.

Материалы и методы

В процессе источниковедческого исследования дипломатических источников и проекта торгового соглашения важную роль играет методика формулярного анализа. В российской исторической науке под термином «формулярный анализ» принято понимать источниковедческий метод исследования формуляра актового источника. В научный оборот метод формулярного анализа был введен австрийскими исследователями Т. Зикелем и Ю. Фиккером [Шарафутдинов 2013: 722]. Именно они были «первопроходцами» при изучении актовых материалов Священной Римской империи. В отечественном источниковедении наиболее полно их наработки были представлены впервые в курсе лекций А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов» в 1920 г. [Лаппо-Данилевский 2007].

Затем в области изучения структуры актовых документов свои разработки предложил С. М. Каштанов [Каштанов 1970; Каштанов 1988].

В терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» (отв. ред. А. О. Чубарьян) термин формулярный анализ описан следующим образом: «Специальным методом собственно дипломатики является формулярный анализ: под „формуляром“ понимаются схемы, фиксирующие структуру и стилистику актов — документов в целом (условный формуляр), документов отдельной разновидности (абстрактный формуляр), отдельных групп документов одной разновидности (конкретный формуляр), отдельного документа (индивидуальный формуляр). Изучение развития формуляра — основной познавательный инструмент дипломатики, позволяющий решать вопросы социального и политического происхождения актов» [Теория и методология 2014: 92–93].

В нашем случае объектом исследования является конкретный документ, т. е. индивидуальный формуляр.

При написании статьи был использован метод археографического описания документа для атрибуции, установления списков, авторства, анализа структуры и содержания текста Соглашения. В исследовании также использован метод сущностно-содержательного анализа документа, который позволил выявить основное содержание и признаки, характеризующие его, определить его роль в историческом процессе становления монгольской государственности.

В научной литературе данный документальный источник не был объектом специального рассмотрения. Необходимо отметить, что это соглашение было упомянуто в работе А. А. Сизовой: «Соглашение об аренде русскими в Монголии земельных участков под застройки» [Сизова 2015: 36, 231]. Кроме того, нами обнаружен сканированный вариант данного соглашения, который разме-

щен на сайте «The American Center for Mongolian Studies», в разделе «Selected Mongolian laws and regulations 1917–1940» [[Орон байшин](#)].

Рассматриваемый проект соглашения хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН) под шифром БМ 420 в составе личного архива П. Б. Балданжапова. Ценность данного исследуемого источника состоит в том, что ранее он не вводился в научный оборот и потому представляет большой интерес в качестве нового источника для исследования истории дипломатических отношений между Россией и Монголией, столетие которых отмечается в этом году. Данный документ представляет собой печатный типографический текст на классической монгольской письменности, расположенный в две вертикальные колонки, напечатанный на 17 листах¹ с одной стороны, сложенных вдвое и сшитых по левому краю; размер листов в разложенном виде 26.5 x 26 см, размер текста 10 x 18 см. Важным представляется, что к основному тексту соглашения приложены четыре письма напечатанных типографическим способом на старописьменном монгольском языке, представляющие собой переписку между Генеральным консульством Российской империи в Монголии и Министерством иностранных дел Монголии по вопросу о заключении соглашения о выделении правительством Монголии для российских подданных земельных участков под строительство торговых зданий и складских помещений. Ввиду того, что в письмах не указаны фамилии и имена конкретных адресантов, можно предположить, что данные письма являются копиями, а не первичными оригинальными документами.

Источниковедческая характеристика документа

На титульном листе документа расположен заголовок всего документа на классической монгольской письменности под названием «Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии»² (*yadayadu mongyol-un kijayar-un dotur-a qualdurhan ba: üiledbüri-yin učir-a sayuqu oros-un qariyatu nardu³ orun bayising bayiyulqu keseg yajar türiyesülen olyuqu učir kelelčen toytayaysan ger-e bičig*).

Данный документ БМ 420 состоит из соглашения (преамбулы, основной раздел из десяти пунктов) и приложения к соглашению в виде корреспонденции между Генеральным консульством российского государства и правительством Монголии о согласовании отдельных пунктов данного соглашения.

В преамбуле на л. 2⁴ поясняется, что данное соглашение составлено согласно пункту шесть Протокола о торговле между Россией и Монголией, подпи-

¹ Документ напечатан на китайской тонкой просвечивающей бумаге, цвет бумаги белый с вкраплениями растительных волокон, края листов неровные.

² В оригинале использовано словосочетание *ger-e bičig*, которое на монгольский язык переводится как «договор», а не соглашение. На монгольском языке слово соглашение передается словосочетанием *kelelčeger-ün bičig*. В данной статье мы употребляем термин «соглашение», так как он был использован в более ранних работах по истории российско-монгольских отношений, поэтому мы придерживаемся уже установившейся традиции названия этого документа.

³ Напечатано слитно вместо *nar-du*.

⁴ Здесь и далее пагинация листов указана согласно последовательности пагинации листов рукописи.

санного 21 октября 1912 года⁵ [по летосчислению]⁶ российского государства, 23-го дня последнего месяца осени второго года с момента обретения независимости Монголии. Согласно данному протоколу, все подданные Российской империи, находившиеся по торгово-промышленным делам, помимо прочих прав, имеют право на покупку и аренду земельных участков для строительства домов, складов и лавок во всех городах, хошунах и пограничных районах в автономной Внешней Монголии, поэтому согласован вопрос о выделении российским подданным земельных участков под застройку на территории Автономной Внешней Монголии в 10 пунктах. Далее в преамбуле говорится, что полномочия императорского российского правительства представляет Генеральный консул А. А. Орлов — статский советник консульства Российской империи в Нийслэл-хурэ (ныне г. Улан-Батор), Автономную Внешнюю Монголию представляет главный министр иностранных дел, хичээнгүй гун Цэрэндорж⁷ и другие уполномоченные.

Транслитерация⁸ и перевод преамбулы Соглашения об аренде российскими подданными земельных участков в Монголии под застройку⁹

[2r] *ger-e bičig: oros ulus-un nige mingyan yisün jayun arban qoyaduyar on oytiyabri | sarayin qorin nigen: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on namur-un | segül sarayin qorin yurban-a: oros mongyol-un qabsuryan toytayaγsan qudalduyan-u | ger-e bičig-ün jiryuduyar jüil-ün yosuyar oros-un qariyatu-nar-un oluγsan | erke-ün dotur-a: avtonomi-tu yadayadu mongyol-un бүкү qota qosiyud ba: | qarayul-dur qudalduyan üiledbüri-yin učir-a: püüse: yayum-a qadayalaqu orun | bayising bayiyulqu-bar jökiqu keseg yaγar-i quyučay-a-bar abqu ba: qudaldun | abču körüngge bolyaqu erke bui-yin tula: |*

yeke oros ulus-ača neyislel küriyen-dür sayuγu: monyol yaγar-un бүкү oros-un | kereg-i yerüngkeyilen sidkekü elčिन sayid statskii sovetniγ Orlub: |

avtonomi-tu yadayadu mongyol-un yadayadu-yin kereg-i бүгүде erkilen sidkegči | [2v] yamun-u terigün sayid kičiyenggüi güng čerindorji nar: öber öberün jasaγ-un | yaγar-ača erke-yi olju: avtonomi-tu yadayadu mongyol-un kiγayar-un dotur-a: | oros-un qariyatu-nar-tu yaγar kemjiyelen ögčü orun bayising bayiyulqu | toqai toytayaγsan anu: |

Перевод текста

«Данное соглашение [заключается] на основании пункта шестого Протокола о торговле между Россией и Монголией, подписанного 21 октября

⁵ В тексте все даты приведены на классической монгольской письменности.

⁶ В статье слова, заключенные в квадратные скобки, восстановлены нами по контексту, так как без них смысл фразы не ясен.

⁷ Балингийн Цэрэндорж (Цэрэндорж-бэйсэ, 1868–1928)— политический деятель периода богдо-ханской Монголии, первый премьер-министр Монгольской народной республики, заместитель министра иностранных дел (1911–1913), опытный государственный деятель, возглавлял МИД автономной Монголии в 1915–1919 гг. [Рощин 2011: 89, 232].

⁸ В транслитерации вертикальные линии обозначают конец строк в тексте, пунктуационные знаки в виде двух точек (:) употреблены вместо монгольской точки — čeg ('), поставленной в соответствующем месте в тексте. Пагинация листов приведена в квадратных скобках.

⁹ Далее как «Соглашение».

1912 года [по летосчислению] российского государства, с момента обретения независимости Монголии второй год последнего месяца осени 23 числа. Согласно данному пункту [все] подданные Российской империи, находящиеся по торгово-промышленным делам, помимо прочих прав, имеют право на покупку и аренду земельных участков для строительства домов, складов и лавок во всех городах, хошунах и пограничных районах автономной Внешней Монголии. Поэтому [вопрос] о выделении российским подданным земельных участков под застройку на территории Автономной Внешней Монголии согласован Генеральным консулом — статским советником Российской империи Орловым, который проживает в Нийслэл-хурэ и заведует всеми делами Российской империи на территории Монголии, с одной стороны, и главным министром иностранных дел Автономной Внешней Монголии — хичээнгуй гуном Цэрэндоржем. С чем другие, уполномоченные своими государствами, согласились о нижеследующем».

Из приведенного фрагмента ясно, кто именно представлял Российскую империю в переговорах по данному соглашению. Следует учесть, что в период с августа 1913 г. по август 1916 г. в Генеральном консульстве в Урге консулом являлся российский дипломатический агент Ф. Я. Миллер (1868–16.03.1940). В 1915 г. он представлял Россию при подписании тройственного соглашения между Россией, Монголией и Китаем об автономии Монголии. А после консула Ф. Я. Миллера интересы российского государства в Монголии представлял консул А. А. Орлов (1870–1940), с августа 1916 по октябрь 1917 г. (а фактически до осени 1920 г.) он являлся Генеральным консулом в Урге и был дипломатическим агентом [Сизова 2015: 288].

Исходя из этого, можно предположить, что и Ф. Я. Миллер, и А. А. Орлов участвовали в переговорах по созданию проекта данного соглашения Российской империи с правительством Монголии. Проведенные переговоры имели огромное политическое значение для признания монгольской государственности.

Основной раздел данного соглашения изложен в следующих 10 пунктах:

п. 1 (л. 2–3) — порядок получения документов на право аренды земельных участков;

п. 2 (л. 3–4) — классификация земель Монголии на ряд категорий¹⁰;

п. 3 (л. 4–5) — определение размера арендной платы по категориям земли, даты проведения аукционов (четыре раза в год) и пояснение по вопросу о покупке земельных участков в собственность¹¹;

п. 4 (л. 5–6) — разъяснение по участкам, арендованным в период с 21 октября 1912 г. до момента заключения данного соглашения, т. е. до 25 марта 1917 г.;

п. 5 (л. 6–7) — о датах внесения арендной платы за земельные участки;

п. 6 (л. 7–8) — указания о стандартном сроке сдачи участков в аренду — 25 лет, переводе их из одной категории в другую в зависимости от экономиче-

¹⁰ В данном пункте приведены соответствия системы монгольских и русских земельных мер площади для точного измерения арендуемых участков, что заслуживает и отдельного рассмотрения.

¹¹ *kerebe oros-un qariyatu nar keseg yaĵar qudaldun abĕu köringge bolĵasuyai kemebesü: ün-e-i mongĵol ĵasay-un yaĵar luĵ-a kelelĕĕn toyĵatamui:*

ской ситуации, об изменении стоимости арендной платы за участок, в случае несогласия с новыми расценками по стоимости, в случае прекращения прав аренды на земли до окончания срока аренды (25 лет);

п. 7 (л. 8) — о переходе права аренды на земельный участок после истечения срока аренды через 25 лет;

п. 8 (л. 8) — о переходе права аренды от арендатора третьему лицу на весь земельный участок или его часть;

п. 9 (л. 8–9) — о санкциях в случае самовольного расширения площади земельного участка по сравнению с площадью, указанной по документам;

п. 10 (л. 10) — сообщение о том, что данное соглашение составлено на русском¹² и монгольском языках в двух экземплярах, которые имеют одинаковую юридическую силу.

Соглашение заканчивается на л. 10 указанием даты подписания текста: «От 25 марта 1917 г. [по летосчислению] России, с момента обретения независимости Монголии, седьмого года, среднего месяца весны, 15 числа, утверждено в Нийслэл-хурэ Монголии» (*oros-un nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar on marta sarayin qorin tabun: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü doluduyar on qaburun dumdadu sarayin arban tabun: mongyol-un neyislel küriyen-e toytayabai*). Отсутствие подписей представителей двух сторон, не дает возможности определить факт официального подписания данного соглашения.

Далее на лл. 10–17 приводится приложение, содержащее четыре письма на классической монгольской письменности с грифом «секретно» (*монг. niyuča*). Первое письмо в документе было отправлено Генеральным консулом Российского государства правительству Монголии, в нем были даны разъяснения о земельных участках, находившихся в собственности и аренде у российских подданных до заключения торгового протокола 21 октября 1912 г.

Второе письмо — ответное, в котором монгольская сторона выражала согласие с предложением российской стороны, изложенным в первом письме от Генконсула Российского государства.

В третьем письме (от российской стороны) содержатся предложения об участках, арендованных в период с 21 октября 1912 г. до момента заключения данного соглашения, в четвертом ответном письме монгольская сторона выражает согласие с предложением российской стороны, изложенным в третьем письме от Генконсула Российского государства. При этом следует отметить, что в ответных монгольских письмах полностью повторяются формулировки из письма российской стороны. Четвертый пункт основного раздела самого документа (т. е. проекта соглашения) основан на итогах, достигнутых в результате обсуждения третьего и четвертого писем приложения.

В конце каждого входящего и исходящего письма проставлены даты согласно летосчислению страны-отправителя. Так, в письмах от российского Генконсульства на старописьменном монгольском языке указывалась дата по российскому летосчислению на монгольском языке (например, «25.03.1917 г.» *nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar on marta sarayin qorin tabun*), а в ответных письмах от правительства Монголии ставилась дата по монгольскому летосчислению, т. е. с момента обретения независимости (например, «от

¹² Русский экземпляр нам не доступен.

седьмого года с момента обретения независимости, средний месяц весны, 15 числа» *olan-a ergügdegsen-ü doluduṣar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun*). При этом все четыре письма датированы одной датой, т. е. 25.03.1917 г. и от седьмого года с момента обретения независимости, средний месяц весны, 15 числа. Из этого факта следует, что данная дата, скорее всего, относится к моменту перевода данных писем на монгольский язык, а не к моменту составления самого оригинала письма.

Из вышеприведенных сведений видно, что секретная международная переписка раскрывает особенности процесса составления данного межгосударственного дипломатического документа. В письмах отражены конкретно-исторические историко-культурные реалии того времени. Поэтому корреспонденция — это один из важнейших исторических источников двусторонних отношений России и Монголии начала XX в.

Ниже мы представляем в качестве примера транслитерацию и перевод текста первого письма от Генерального консула Российского государства правительству Монголии, а также транслитерацию ответного письма от монгольской стороны из данного источника.

Транслитерация

[10r] *niyuča: | yeke oros ulus-un elčün sayid-ača: mongṣol ṣasay-un ṡaṡar-ača oros-un | qariyatu-nar-tur orun bayising bayiṡulqui-dur kereglekü keseg ṡaṡar-ud-i | kemṡiyelen oṡyqu toqai ger-e bičig toṡṡayaqu-yin qamtu | mongṣol-un ṡadaṡadu-yin kereg-i bügüde erkilen sidkegči yamun-u terigün sayid-un: amuyulang-i erijü: nayirtai sayin-un yosun-iyar medegdekü anu | erkebe oros-un qariyatu-nar: nigen mingyan yisün ṡayun arban qoyaduṡar | on-u oyṡiyabri sarayin qorin nigen: mongṣol-un olan-a ergügdegsen-ü | qoyaduṡar on namur-un segül sarayin qorin ṡurban-a edür-e: oros mongṣol-un | qudaldıṡyan-u ger-e bičig-i qabsurṡan toṡṡayaqui-dur kürtel-e | boyda ṡibṡundamba qutuṡtu-ača ṡangnan oṡyṡsan bičigba: küriyen-dür büküi | kongsül-ün yamun-ača oṡyṡsan bičig: ṡiči ṡoul ṡaṡar-un ba: | [10v] nutuṡ-un erke bariṡčid: eng-ün kümün-ner luṡ-a bičig ba: ama-bar | kelelčegsen-ü yosuyar keseg ṡaṡar-ud-i körüngge bolṡan eṡeleṡü bayiṡsan büged: | mön-kü čay kürtel-e ṡoul ṡaṡar-un ba: nutuṡ-un erke bariṡčid-ača | esergüčegsen ṡüil ügei bögesü: nigen mingyan yisün ṡayun aban qoyaduṡar on-u | oyṡiyabri sarayin qorin nigen: mongṣol-un olan-a | ergügdegsen-ü qoraduṡar on | namur-un segül sarayin qorun ṡurban-u edür-e kürtel-e keregleṡü bayiṡsan kemṡiyen-ü | dotur-a: terekü keseg ṡaṡar-ud-i körüngge bolṡan eṡelemüi: egün-dür ṡınaralnui | kongsül sayid-un yamun: tedeger kümün nardur terekü keseg ṡaṡar-ud-i eṡelegülür-e: | ṡokiqu temdegtü bičig-üd-i enekü ger-e-ün küčün tegüldür boluṡsan edür-eče qoyisi | ṡurban sarayin quṡučaṡan-u dotur-a: mongṣol ṡasay-un ṡaṡar-ača abubasu ṡokimui: | kerebe oros-un qariyatu-nar: nigen mingyan yisün ṡayun arban | qoyaduṡar on-u oyṡiyabri sarayin qorin nigen: mongṣol-un olan-a | [11r] ergügdegsen-ü qoyaduṡar on namur-un segül sarayin qorin ṡurban-u edür-a kürtel-e: | keseg ṡaṡar-ud-i türiṡesülen keregleṡü: türiṡesü-yi ṡoul ṡaṡar-un ba: nutuṡ-un | erke bariṡčid: ṡiči süm-e keyid buyu: eng-ün kümün-ner-tür: tusiyaṡu | bayiṡsan ba: esegül-e mön čay kürtel-e: ṡoul ṡaṡar-un ba: nutuṡ-un | erke bariṡčid-ača esergüčegsen ṡüil bui abasu: tedener mongṣol ṡasay-un | ṡaṡar-ača ṡaṡar türiṡesülegčid bolṡu: enekü ger-e bičig-tür toṡṡayaṡsan | türiṡesü-ün dürim-i*

dayabasu jokimui: | egünçe degegsi el-e učir-i jüi inu | erkim sayid tan-a medetügei gemen yabuluyad: oldabasu bayiçayan üjekü | ajiyamu: egüni tula medetügei gemen ilegebe: |

[11v] *nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar-aça marta sarayin qorin tabun:|*

[12r] *niyuça | mongyol ulus-un yadayadu-yin kereg-i bügüde erkilen sidkegči yamun-u terigün | sayid-aça: mongyol jasay-un yajar-aça oros-un qoriyatu-nar-tur orun | bayising bayiñuilqui-dur kereglekü keseg yajar-ud-i kemjiyelen olyuqu toqai ger-e | bičig toytayaqu-yin qamtu | yeke oros ulus-aça küriyen-dür sayuy-a elčin sayid tan-a amuyulang-i | erijü: nayirtai sayin-u yosun-iyar medegdekü anu |*

kerebe oros-un qariyatu-nar nigen mingyan yisün jayun arban | qayaduyar on-u otyiyabri sarayin qorin nigen: mongyol-un | olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on namur-un segül sarayin qorin yurban-u edür-e: | oros mongyol-un qudalduyan-u ger-e bičig-i qabsuryan toytayaqui-dur kürtel-e: |

boýda jibjondamba qutuytu-aça šangnan olyuysan bičig ba: küriyen-dür büküi kongsul-un | [12v] yamun-aça olyuysan bičig: jiči youl yajar ba: nutuy-un erke baričid: | eng-ün kümün-ner luy-a bičig ba: ama-bar kelelčegsen-ü yosuyar keseg yajar-ud-i | körüngge bolyan ejelejšü bayiysan büged: mön-kü čay kürtel-e: youl yajar-un ba: nutuy-un erke baričid-aça esergüčegsen jüil ügei bögesü: nigen mingyan | yisün jayun arban qoyaduyar on otyiyabri sarayin qorin nigen: mongyol-un | olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on namur-un segül sarayin qorin yurban-u edür-e | kürtel-e kereglejšü bayiysan kemjiyen-ü dotur-a: terekü keseg yajar-ud-i körüngge | bolyan ejelemüi: egün-dür giniralnui kongsul sayid-un yamun: tedeger kümün nar-dur | terekü keseg yajar-ud-i ejelegülür-e jokiqu temdegtu bičig-üd-i enekü ger-e-ün |küčün tegüldür boluysan edür-eče qoyisi yurban sarayin quyučayan-u dotur-a: | mongyol jasay-un yajar-aça abubasu jokimui: |

kerebe oros-un qariyatu-nar: nigen mingyan yisün jayun arban qoyaduyar on-u | [13r] otyiyabri sarayin qorin nigen: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on | namur-un segül sarayin qorin yurban-u edür-e kürtel-e: keseg yajar-ud-i | türiyesülen kereglejšü: türiyesü-yi youl yajar-un ba: nutuy-un erke | baričid jiči süm-e keyed buyu: eng-ün kümün nar-tur tusiyaşu bayiysan ba: | esegül-e mön čiy kürtel-e youl yajar-un ba: nutuy-un erke baričid-aça | esergüčegsen jüil bui abasu: tedener mongyol jasay-un yajar-aça yajar | türiyesülegčid bolju: enekü eg-e bičig-tür toytayaşsan türiyesü-ü dürim-i | tayabasu jokimui: |

egünçe degegsi el-e učir-i jüi inu | erkim elčin sayid tan-a mededügei gemen yabuyuluyad: olubasu bayiçayan | üjekü ajiyamu: egüni tula mededügei gemen ilegebe: |

[13v] *olan-a ergügdegsen-ü doluduyar on qabur-un dumdadu darayin arban tabun:|*

Перевод

Секретно. От консула великого Российского государства:

В связи с заключением соглашения о предоставлении российским подданным земельных участков под строительство зданий и помещений от монгольского правительства, дружески приветствуем главного (terigün sayid) министра иностранных дел Монголии, и сообщаем:

Если к российским подданным, владевшим земельными участками до заключения торгового протокола между Монголией и Россией, подписанного 23 числа последнего месяца осени 2-го года с момента обретения независимости Монголии [21.10.1912 года по юлианскому календарю], не будет претензий со стороны Джебдзундамбы-хутухты, всех других консульств в Монголии, представителей власти центральных местностей и остальных местностей, а также частных лиц по устной договоренности, которые выдали им разрешение, то они сохраняют право собственности на те же земельные участки в тех же размерах, которые они получили до 21.10.1912 года, второго года последнего месяца осени 23 числа с момента обретения независимости Монголии. Поэтому Генеральному консульству следует получить от правительства Монголии свидетельства о регистрации тех же земельных участков тем же владельцам участков в течение трех месяцев с момента вступления в силу данного соглашения.

Если российские поданные арендовали земельные участки до 21 октября 1912 года, 23 числа последнего месяца осени 2-го года с момента обретения независимости Монголии, вносили арендную плату властям центральных местностей и остальных местностей, храмам, частным лицам (*eng-ün kümün*), если у них нет претензий к арендаторам, то они сохраняют свои права на аренду земельных участков и должны соблюдать все пункты этого соглашения, а арендодателем становится Монгольское правительство.

Вышеуказанные пункты статей соглашения были направлены высочайшим министрам (монг. сайд) с просьбой проверить достоверность означенных пунктов. Отправлено для ознакомления» [[yadayadu mongyol-un 1917: 10–11](#)].

Таким образом, вышеприведенные сведения позволяют сделать следующие **выводы**.

Во-первых, историко-хронологический анализ источника, а также формулярный анализ его структуры показал, что данный документ является ценным источником сведений о российско-монгольских дипломатических и торговых отношениях. Установлено, что соглашение было составлено 25 марта 1917 г. в столице независимой Монголии — Нийслэл-хурэ.

Во-вторых, исходя из анализа конкретно-исторических фактов и содержания самого договора, выявлено, что инициатором данного переговорного процесса выступала Российская империя в лице своего консульства в г. Урге. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что осенью 1915 г. Российская империя повысила статус консульства Российской империи в Нийслэл-хурэ до уровня Генерального консульства. Необходимо отметить, что текст данного соглашения включает в себя ряд важных и познавательных страноведческих сведений о реалиях той эпохи.

В-третьих, следует отметить, что в начале XX в. уровень экономических отношений Российской империи с Монголией был очень высокий, объемы торговли возрастали, разрывалась торговая деятельность русских купцов на территории Монголии. Особенно интенсивно русско-монгольские экономические отношения развивались в первые годы существования независимой Монголии в 1911–1915 гг. Но при этом отсутствие четкой нормативно-правовой базы являлось сдерживающим фактором дальнейшего развития торговли, а рассмотренный договор способствовал устранению этого фактора.

Источники

ᠶаᠳᠠᠭᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ-ᠤᠨ 1917 — ᠶаᠳᠠᠭᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ-ᠤᠨ ᠻᠢᠶᠠᠭᠠᠨ ᠳᠣᠲᠤᠷ-ᠠ ᠻᠣᠳᠠᠯᠳᠠᠭᠠᠨ ба: үйлдбүри-үйн үчир-а саᠶуqu орос-ун қарiyatu-nar-du orun bayising байiyулqu keseg ᠶаᠭᠠᠷ түрийесүлэн олᠶуqu үчир келелчэн тоᠶᠲᠠᠭᠠᠶсан ger-e bičig (= Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архив П. Б. Балданжапова. БМ 420. 34 с.

Sources

Agreement on Land Lease and Construction of Buildings and Facilities by Russian Subjects Engaged in Trade and Industrial Affairs in the Territory of Outer Mongolia. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). Coll. of P. B. Baldanzhapov. Item БМ 420. 34 p. (In Mong.)

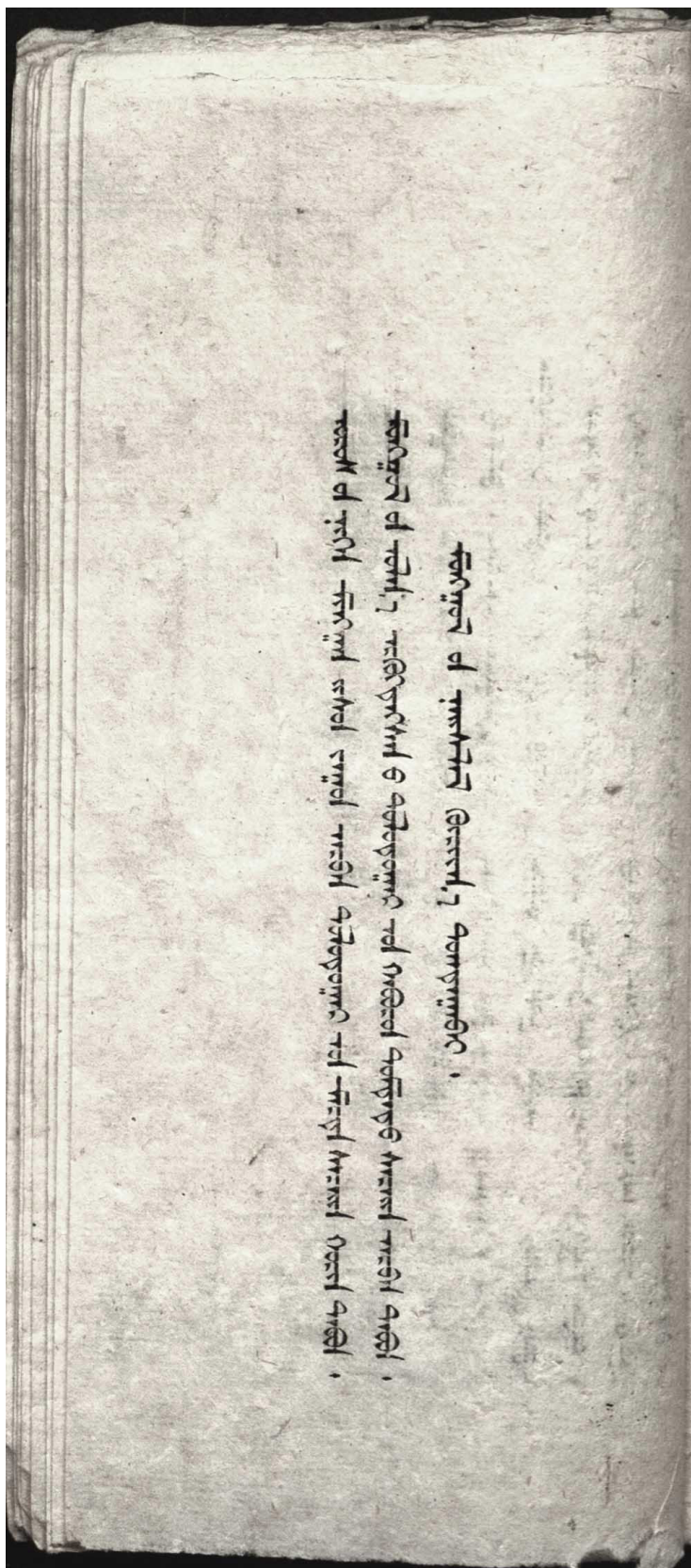
Литература

- Батсайхан 2016 — *Батсайхан О.* Монголо-российский договор 1912 года и И. Я. Коростовец // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. Кн. 6: Матлы междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией (г. Иркутск, 19–20 марта 2016 г.). Иркутск: Изд-во БГУ; Улан-Батор: Арвай Бархан. 2016. С. 58–71.
- Грайворонский 2013 — *Грайворонский В. В.* О торгово-экономических отношениях между Россией и Монголией в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сборник научных трудов. Улан-Батор; Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2013. С. 48–54.
- Каштанов 1970 — *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 502 с.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С. М.* Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988. 231 с.
- Орон байшин — Орон байшин байгуулах хэсэг газар түрээслэн олгох учир хэлэлцэн тогтоосон гэрээ бичиг (31 items) [электронный ресурс] (= Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии) // Selected Mongolian Laws and Regulations 1917–1940. Inner Asia digital Archive. American Center for Mongolian Studies. URL: <http://archive.mongoliacenter.org/collection-exhibit/items/gallery/series/25> (дата обращения: 23.10.2020 г.).
- Сизова 2015 — *Сизова А. А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука, Вост. лит., 2015. 295 с.
- Лаппо-Данилевский 2007 — *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Северная звезда, 2007. 285 с.
- Россия и Монголия 2014 — Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 2: История отношений России и Монголии в документах: сб. арх. док. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. 218 с.
- Роцин 2011 — *Роцин С. К.* Сухэ-Батор: Национальный герой Монголии (штрихи биографии). Улан-Батор: Селенгэ пресс компания, 2011. 280 с.
- Русско-китайские отношения 1958 — Русско-китайские отношения 1689–1916 гг., официальные документы 1958 г. М.: Вост. лит., 1958. 142 с.

- Теория и методология 2014 — Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Шарафутдинов 2013 — *Шарафутдинов Д. Р.* Методика формулярного анализа в прочтении исторических документов: дипломатическая переписка первой трети XIX века // Молодой учёный. № 11 (58). 2013. С. 722–724.

References

- Agreement on Land Lease and Construction of Buildings and Facilities by Russian Subjects Engaged in Trade and Industrial Affairs in the Territory of Outer Mongolia. On: Selected Mongolian Laws and Regulations, 1917–1940. Inner Asia Digital Archive. American Center for Mongolian Studies. Available at: <http://archive.mongoliacenter.org/collection-exhibit/items/gallery/series/25> (accessed: October 23, 2020). (In Mong.)
- Batsaikhan O. Mongolian-Russian Treaty of 1912 and I. Ya. Korostovets. In: Russia and Mongolia. History, Diplomacy, Economy, Science. Book 6. Conference Proceedings (Irkutsk; March 19–20, 2016). Irkutsk: Baikal State University; Ulaanbaatar: Arvay Barkhan, 2016. Pp. 58–71. (In Russ.)
- Chubaryan A. O. (ed.) Theory and Methodology of Historical Science: Terminological Dictionary. Moscow: Akvilon, 2014. 576 p. (In Russ.)
- Grayvoronsky V. V. Russia and Mongolia, 1900s–1920s: trade and economic relations revisited. In: Russia and Mongolia at the Turn of the 20th Century. Economy, Diplomacy, Culture. Collected Scholarly Papers. Ulaanbaatar; Irkutsk: Baikal State University (of Economics and Law), 2013. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Kashtanov S. M. Essays on Russian Diplomats. Moscow: Nauka, 1970. 502 p. (In Russ.)
- Kashtanov S. M. Russian Diplomats. Moscow: Vysshaya Shkola, 1988. 231 p. (In Russ.)
- Lappo-Danilevsky A. S. Essay on Russian Diplomats of Private Deeds. St. Petersburg: Severnaya Zvezda, 2007. 285 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. Sükhbaatar: The National Hero of Mongolia. Collected Biographical Data. Ulaanbaatar: Selenge Press, 2011. 280 p. (In Russ.)
- Russia and Mongolia in the early 20th Century: Diplomacy, Economy, Science. Book 3. Part 2: History of Russia-Mongolia Relations Documented. Collected Archival Materials. Irkutsk; Ulaanbaatar: Baikal State University (of Economics and Law), 2014. 218 p. (In Russ.)
- Russian-Chinese Relations, 1689–1916: Official Documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. 142 p. (In Russ.)
- Sharafutdinov D. R. Formular analysis and historical documents: diplomatic correspondence, 1800s–1830s. Molodoy uchenyy. 2013. No. 11 (58). Pp. 722–724. (In Russ.)
- Sizova A. A. Russia's Consular Institutions in Mongolia: 1861–1917. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2015. 295 p. (In Russ.)

וְהָיָה כִּי יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹלְךָ וְיִשְׁכַּח
אֶת-עֲוֹנוֹתָיִךְ כִּי-יִשְׁמַע ה' אֶת-קוֹלְךָ
וְיִשְׁכַּח אֶת-עֲוֹנוֹתָיִךְ

[illegible]